

Мария ГУЛЕГИНА:

«Драматическое сопрано – редкий зверь»

Ольга Романцова

Недавно завершились российские гастроли одной из лучших оперных певиц России и мира Марии Гулегиной. Крайне востребованная сегодня Гулегина давно уехала на Запад, сделала там блестящую карьеру и только после этого, всего несколько сезонов назад, впервые появилась в России. Ей не нужны ни пышные декорации, ни эффектные костюмы: достаточно просто выйти на сцену и запеть. За красоту и силу голоса ей прощают все, включая строптивый характер. В эти дни оперная звезда поет в Боломье арии Маддалены в опере «Андре Шенье» и готовится к большому сольному концерту в Барселоне. Мария Гулегина ответила на вопросы «Новых Известий».

– Мария, вам больше нравится выступать на концертах или петь в оперных спектаклях?

– Мне больше нравятся концерты, в них все зависит от меня. Чтобы опера прошла удачно, нужно, чтобы дирижировал талантливый дирижер, чтобы спектакль поставил талантливый режиссер, чтобы все исполнители хорошо пели. В условиях концерта я сама себе хозяйка: выбираю программу, платье и все остальное. И никто мне не указ.

– В вашем сольном концерте в Москве за дирижерским пультом Национального филармонического оркестра стояла женщина, американка Кери-Линн Уилсон. Это получилось случайно?

– Я пригласила дирижера, с которым мне интересно работать. Я же не должна выбирать их по половому признаку или по национальности. Кери-Линн – очень хороший музыкант. Наверное, женщины тоже должны доказывать, что могут сделать что-то интересное без участия сильного пола.

– В каком театре вам больше всего нравится выступать?

– Мой любимый театр – «Ла Скала». Это театр, где я родилась и больше всего пела. Я участвовала в четырнадцати постановках, спела больше 150 спектаклей. Никто из ныне живущих певиц столько не пел. К сожалению, сейчас в «Ла Скала» пришла новая администрация, которой больше нравится французская опера. Я обожаю «Метрополитен-оперу», люблю Венскую оперу. С администрацией «Ковент-Гардена» у меня сложные отношения: они считают, что я должна петь только тяжелый репертуар, а я с этим не согласна. Поэтому на все предложения отвечаю: «В 2017 году увидим».

– Почему в 2017-м?

– В семнадцатом году всегда происходят какие-то катаклизмы. Очень люблю Парижскую оперу.

– И Париж?

СПРАВКА

Мария ГУЛЕГИНА – оперная певица, считающаяся лучшим драматическим сопрано мира. Родилась в 1959 году в Одессе. Окончила Одесскую консерваторию. С 1983 года – солистка Белорусского оперного театра. В 1984 году стала лауреатом I премии конкурса имени Глинки. В 1986 году получила III премию на Международном конкурсе им. П.И. Чайковского. С 1987 года поет в «Ла Скала». Также регулярно выступает на других ведущих сценах Запада. В репертуаре певицы сложные партии в произведениях в основном западноевропейских композиторов, среди которых главные роли в операх «Аттила», «Макбет», «Трубадур», «Аида», «Отелло», «Сельская честь», «Паяцы», «Андре Шенье», «Тоска», «Манон Леско».



ИТАР-ТАСС. АЛЕНСАНДР КУРОВ

– Конечно. Недавно смотрела телепередачу, где журналист спросил у старой баронессы: «Вам нравится город, в котором вы недавно побывали?» Она ответила: «Милый, после того как я побывала в Париже, мне не может нравиться ничто другое». Я думаю точно так же.

– На каких языках вы можете говорить как на родном?

– После русского у меня второй родной язык – итальянский. Разговариваю по-английски, по-немецки.

– Вам легко удастся изменить внешность? Например, похудеть?

– Очень легко. Главное, этого хотеть. Надо купить платье на два размера меньше, чем твой, повесить его в спальне и, просыпаясь, говорить себе: «Через месяц я в него влезу». И ты его действительно надешь.

– Считается, что певицам худеть опасно: может что-нибудь случиться с голосом...

– Это лентяйкам опасно что-то делать. Или если человек болен. А певицам, у которых все в порядке со здоровьем, надо просто прекратить много есть.

– Вы могли бы петь в очень открытом платье?

– Женщина должна выглядеть секси, но есть какая-то грань. Зрители приходят на мой концерт слушать пение, музыку. Если я буду слишком раздета, это может их оскор-

бить. Хотя, если мне придет в голову выйти в каком-то супероткрытом платье, я сделаю так, чтобы это не выглядело вульгарно.

– Почему вы уехали на Запад?

– Я просто бежала. В Минском оперном театре, где я работала, возникла тупиковая ситуация. Условия стали невыносимыми: мои коллеги подписали письмо в ЦК, что не хотят со мной петь, потому что я хочу петь на итальянском, а они нет. Я поняла, что надо бежать. Думала, что никогда не вернусь в Россию, старалась вычеркнуть из памяти прошлое, это было очень больно.

Сейчас я благодарна судьбе, что все так сложилось. Я по натуре революционер и, работая в Минске, боролась бы за счастье всего коллектива, забывая о себе. На Западе пришлось думать о себе: мне нужно было выжить, и не просто выжить, а петь в оперном театре.

– Выживать тяжело?

– Очень тяжело. Особенно с моим характером. У меня никогда не было рекламы или пиара, я никогда в жизни не шла на личные контакты ради карьеры. Всего добились своим голосом и своим упорством. Если бы я пела лирическим сопрано, меня уже давно бы где-нибудь похоронили. А драматическое сопрано – редкий зверь. У певицы с таким голосом всегда будет работа, даже если у нее плохой характер.

– О вашем строптивом характере ходят легенды...

– Я отношусь к работе точно так же, как к себе: хочу, чтобы все было на высшем уровне. Но муштрую себя, как никому и не снилось. Даже спев удачный концерт, говорю: «Ты спела плохо, в следующем концерте ты должна спеть лучше», нахожу ошибки, начинаю их исправлять.

– Не жаль себя?

– Нисколько. Бриллиант на то и бриллиант, чтобы его шлифовать. Берешь алмаз и начинаешь работать. Конечно, если у тебя не алмаз, а кирпич, он от шлифовки просто рассыплется в пыль. Может быть, это прозвучит банально, но, если я буду довольна своим видом или своим пением, мое развитие навсегда остановится. Всегда хочется добиться лучшего результата.

– Работая на Западе, вы могли распрощаться своей жизнью легче, делать многое, что не было дозволено советским примам. Какой из своих поступков вы считаете знаковым?

– Покупку квартиры. Я сделала это через год и вызвала маму к себе. Мне так хотелось, чтобы у меня была собственная квартира, своя мебель, ковры, занавески. И чтобы мама приехала, и я бы ей сказала: «Мамуля, все это – наше». Так и получилось. Купила такую квартиру, чтобы маме было удобно ходить в церковь, чтобы рядом были магазины...

– Почему вы не привезли в Москву своего сына Руслана?

– В Люксембурге, где мы живем, еще не закончились занятия в школе. Кстати, там дети ходят в школу с трех лет.

– А Руслану сейчас...

– ...пять. Он ходит на тэквондо, в бас-сейн и занимается музыкой. Учится играть на скрипке и на фортепиано. Еще ему хотелось играть на виолончели, виолончель уже куплена, но пусть сначала научится играть на двух инструментах. Он мне недавно сказал: «Сейчас богатырей нет, сейчас никто силой не мерится, только стреляют».

– Он тоже любит стрелять?

– Конечно. И стреляет без промаха, точно по мишени. Недавно ему купили игрушечный автомат, такой же, как автомат Калашникова, только стреляет резиновыми пулями. Как он мне попал по ноге! А сейчас опять просил привезти ему какое-нибудь оружие.

– Вам приходилось отказываться от работы ради семьи?

– Много раз, в основном из-за мамы. В 1998 году сезон в «Ла Скала» открыли «Макбетом» Верди, у меня была партия леди Макбет. Я спела первые шесть спектаклей, а потом сказала, что уезжаю. Маэстро Мути не хотел меня отпускать. Но я ответила ему: «Маэстро, я вас очень уважаю, и я очень хочу здесь петь, но мама ждет меня на Рождество». Пока мама была жива, я приезжала к ней на Рождество и на Пасху.

– Вам не хотелось бы спеть в Мариинке или в Большом театре?

– Меня уже приглашали спеть в Мариинке и приглашают до сих пор. Наверное, этим летом буду участвовать в фестивале «Звезды белых ночей». Мне бы хотелось спеть концерт с Валерием Гергиевым.